

Legal personality of a child in the field of social security

N. V. Roshchepko¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2025-1-44-55

Research article
Full text in Russian

The article reveals the legal status of the child in the social security system. It is substantiated that his right to protection from social risks can be realized directly and then the child is a subject of social security legal relations, but more often indirectly, through the provision of benefits to the family, one of the parents (adoptive parent, guardian, trustee, etc.). Regarding the status of the child as a recipient of benefits, the provisions of the doctrine of social security law on the general and special legal personality of individuals and its elements are analyzed. Constitutional guarantees of everyone's right to social security determine the emergence of general legal capacity from birth, legal capacity - as a rule, upon reaching adulthood. Special legal personality is conditioned by the onset of life circumstances that entail a situation of social risk (loss of a breadwinner, disability, etc.), and therefore can arise simultaneously and significantly earlier than 18 years of age. According to the author, for material legal relations regarding social security, dividing a person's special legal personality into components is not legally significant. This is due to the position of the child as an authorized party to such legal relations, as well as the specificity of benefits provided in kind, when their use through a representative is excluded. It is proved that the most productive distinction between special legal and legal capacity is carried out in the context of procedural legal relations, where the rigidity of the normative regulation of the order of participation of the child's parents and other legal representatives can be traced.

Keywords: children's welfare; the child as a subject of social security legal relations; social risk of childhood; social security legal personality

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roshchepko, Natalya V. | E-mail: nvrd@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Roshchepko N. V. Legal personality of a child in the field of social security // Demidov Law Journal. 2025. Vol. 15, No. 1. P. 44-55. (in Russ.)

Правосубъектность ребёнка в сфере социального обеспечения

Н. В. Рощепко¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2025-1-44-55

УДК 347.61/64

Научная статья

Полный текст на русском языке

Статья посвящена вопросу определения правовой природы санкции за неисполнение. Статья раскрывает правовое положение ребёнка в системе социального обеспечения. Обосновано, что его право на защиту от социальных рисков может быть реализовано непосредственно, и тогда ребёнок есть субъект социально-обеспечительных правоотношений, но чаще опосредованно, через предоставление благ семье, одному из родителей (усыновителю, опекуну, попечителю и т. д.). Касательно статуса ребёнка как субъекта – получателя благ анализируются положения доктрины права социального обеспечения об общей и специальной правосубъектности физических лиц, её элементах. Конституционные гарантии права каждого на социальное обеспечение определяют возникновение общей правоспособности с рождения, дееспособности, как правило, с достижением совершеннолетия. Специальная правосубъектность обусловлена наступлением жизненных обстоятельств, влекущих ситуацию социального риска (утрату кормильца, инвалидность и т. д.), а потому может возникнуть одновременно и значительно ранее 18 лет. По мнению автора, для материальных правоотношений по социальному обеспечению деление специальной правосубъектности лица на компоненты юридически незначимо. Это обусловлено положением ребёнка как управомоченной стороны таких правоотношений, а равно спецификой благ, предоставляемых в натуральной форме, когда исключено их использование через представителя. Доказывается, что наиболее продуктивно разграничение специальной право- и дееспособности проводить в разрезе процедурных правоотношений, где прослеживается жёсткость нормативной регламентации порядка участия родителей ребёнка, иных законных представителей.

Ключевые слова: социальное обеспечение детей; ребёнок как субъект социально-обеспечительных правоотношений; социальный риск детства; социально-обеспечительная правосубъектность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рощепко, Наталья Владимировна

E-mail: nvrd@mail.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и финансового права

Для цитирования: Рощепко Н. В. Правосубъектность ребёнка в сфере социального обеспечения // Демидовский юридический журнал. 2025. Том 15, № 1. С. 44-55.

Правовой статус лица в сфере социального обеспечения, его элементы традиционно имеют ключевое значение, что подтверждает обращение к юридической литературе. Формирование и содержание правосубъектности физических лиц, анализ обязанностей государства в лице уполномоченных им органов, учреждений, иных организаций (лиц) по предоставлению благ в порядке социального обеспечения составляло предмет научных изысканий Ю. С. Мацулевич [1], Л. А. Гречук [2], Е. Е. Мачульской [3], Е. А. Истоминой, М. Ю. Федоровой [4], О. С. Курченко [5] и других ученых. И все же затронутая проблематика явно уступает изучению феномена социального обеспечения, социального риска, оснований и условий предоставления благ и опосредующих их правоотношений в разрезе организационно-правовых форм социального обеспечения [6, с. 211-212]. Особенно «живо» сказанное демонстрируют учебные издания, где материал об упомянутом качестве лица обычно изложен весьма фрагментарно, если не сказать бедно (объемом от страницы до нескольких строк), а порой и вовсе отсутствует. Отчасти это оправдано, ибо социально-обеспечительная правосубъектность в немалой степени производна от гражданско- и трудово-правовой правосубъектности лица. Но нельзя игнорировать отраслевые отличия. Попробуем дать анализ применительно к ребёнку,¹ «фигура» и положение которого тем более примечательны, что могут оцениваться двояко – в качестве субъекта правоотношений и «юридического факта».

Право ребёнка на социальное обеспечение, как и право каждого, опирается на нормы ч. 1 ст. 39 Конституции РФ. Именно с фактом и моментом рождения связано возникновение у лица общей социально-обеспечительной правоспособности, права на защиту от последствий социального риска. Поименованные в ч. 1 ст. 39 Конституции РФ основания предоставления социально-обеспечительных благ – «по возрасту, болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей» – во взаимосвязи с ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38 Конституции РФ о государственной поддержке детства (наряду с пожилыми гражданами), защите семьи позволяет обозначить два ключевых момента:

– равенство прав и всеобщие гарантии социального обеспечения, в том числе по возрасту, предполагают учёт не только пенсионного, но и детского возраста. С той лишь разницей, что, сообразно презумпции законодателя, ребёнок не приобрел способности к самообеспечению, а взрослый человек, достигнув возраста пенсионирования, таковую утратил.² Понимание детского возраста в значении социального риска, основания для социального обеспечения последовательно отстаивает Е. Г. Азарова, что заслуживает всемерной поддержки [7, с. 107–108];

– защита семьи, приоритет семейного воспитания детей следует рассматривать и в контексте социального обеспечения. Идея – «ребёнок должен расти на попечении и под ответственностью своих родителей» – предполагает возложение на последних основного обязательства по созданию надлежащих условий жизни чада. Социально-обеспечительные блага призваны дополнить имеющиеся в распоряжении семьи «ресурсы», способствуя более полной реализации социальных прав, или предоставить источник средств к существованию, когда родители (усыновители, опекуны,

¹ В настоящей статье категория «ребёнок» используется в значении, которое ей придает п. 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ, абз. 2 ст. 1 Федерального закона от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в РФ», а именно – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия).

² Например, применительно к страховым пенсиям соответствующие презумпции закреплены п. 1 ст. 3, п. 1 ч. 1, ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

попечители, иные «лица с семейными обязанностями») лишены возможности трудиться и «получать по труду» ввиду безработицы, ухода за ребенком, прочим социально-уважительным причинам. Отсюда следует тот широкий перечень оснований для социального обеспечения лица, семьи с детьми, на первый взгляд воспринимающих ребёнка как «юридический факт», а не субъекта правоотношений.

Большинство благ социального обеспечения детского назначения, предоставляемых в денежной форме, имеют адресатом непосредственно родителя (усыновителя, опекуна, попечителя, иных лиц, несущих обязанность по уходу за ребенком, его воспитанию). Ребёнок (дети), а точнее, его (их) рождение, усыновление, воспитание, осуществление фактического ухода и другие подобные обстоятельства определяют право родителя (иных поименованных лиц с семейными обязанностями) на получение установленных законом видов социально-обеспечительных благ. В итоге ребёнок и связанные с ним жизненные обстоятельства воплощают реализацию социального риска необеспеченности существования родителя или семьи³. Кроме того, данные обстоятельства являются социально-значимыми для дифференциации размера ряда социальных предоставлений. Например, пенсионерам по возрасту или по инвалидности, на иждивении которых находятся нетрудоспособные члены семьи, в частности дети, несовершеннолетние братья, сёстры и внуки⁴, устанавливается повышение фиксированной выплаты к соответствующей страховой пенсии. Размер повышения составляет треть от базовой ее суммы с индексацией на каждого из перечисленных членов семьи, но не более чем на трех⁵. Изложенное позволяет говорить об опосредованной реализации права ребёнка на социальное обеспечение⁶ через предоставление такового семье, одному из родителей (лицу, его заменяющему). Отдельными учеными обосновывается также производность социально-обеспечительных прав лица, воспитывающего ребёнка, от специфики статуса последнего, например, «ребёнок-инвалид».⁷ В этом плане возможность и способность ребёнка к непосредственной реализации права на социальное обеспечение не менее примечательна. Но прежде остановимся на положениях общего порядка об отраслевой правосубъектности физических лиц.

³ Например, единое пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка, предоставляемое по принципу адресности беременной женщине или семье с детьми до 17 лет, имеющим среднедушевой доход ниже прожиточного минимума в субъекте РФ, согласно ст. 9, 10 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

⁴ Нетрудоспособность перечисленных лиц определяется возрастом – «не достигшие 18 лет», инвалидностью (установленной до совершеннолетия) либо фактом очного обучения по основным образовательным программам в образовательных организациях на период до окончания такого обучения, но не дольше чем до 23 лет. При этом братья, сестры и внуки признаются нетрудоспособными членами семьи пенсионера при условии, что они не имеют трудоспособных родителей.

⁵ Так, на 2024 г. «базовый» размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости составляет 8 134,88 руб., повышение фиксированной выплаты равно его 1/3: с 1 иждивенцем – 10 846,51 руб.; с 2 иждивенцами – 13 558,14 руб.; с 3 иждивенцами – 16 269,77 руб.

⁶ Опосредованной, поскольку родитель (лицо, его заменяющее) здесь выступает самостоятельным субъектом социально-обеспечительных правоотношений, а отнюдь не законным представителем ребёнка.

⁷ ак, по мнению Д. А. Семяниковой, производным от статуса ребёнка-инвалида является право его родителя (усыновителя, опекуна (попечителя)), на такой вид социального обеспечения, как компенсационные выплаты неработающим лицам, осуществляющим уход за ним [8, с. 31-32].

Применительно к праву социального обеспечения правосубъектность может носить общий и специальный характер, при этом каждая из упомянутых видов разделима на компоненты: правоспособность и дееспособность [9; 10]. Как общее и специфическое свойство субъекта Л. А. Гречук также предлагает рассматривать нуждаемость [2, с. 84].⁸ Последняя определяет содержание правомочий лица (*de facto*, объем правоспособности) и может быть дифференцирована в зависимости от породивших ее причин (инвалидность, безработица, иные). Этот подход видится не лишенным смысла, особенно в свете закрепления нормами социально-обеспечительного законодательства о пенсиях и пособиях положения о нетрудоспособности детей до 18 лет,⁹ а значит, невозможности полноценно и самостоятельно удовлетворять свои потребности за счет трудового доходов. При наличии прямого указания закона конструкция нетрудоспособности может охватить и лиц, достигших совершеннолетия, но не старше 23 лет, получающих образование по очной форме обучения (например, для установления пенсии по потери кормильца). Тем не менее полагаем, что нуждаемость есть проявление и следствие реализации социального риска, а потому в полной мере охватывается данной правовой категорией.

Отраслевая правоспособность общего плана (как члена общества), что возникает с рождения, есть возможность обладать правами и нести обязанности безотносительно к виду социально-обеспечительных правоотношений (материальные или процедурные (процедурно-процессуальные)). Касаемо отраслевой дееспособности – момента её возникновения, составляющих правомочий (своими действиями приобретать и осуществлять права, исполнять обязанности, а также нести юридическую ответственность)¹⁰ – в науке отрасли нет единства взглядов, что естественно, ибо критерии появления этого компонента правосубъектности (возрастной, волевой) нормативно не закреплены. Причины указанной неопределенности просты: социальное обеспечение призвано дать защиту от последствий социального риска (страхового и не страхового характера), реализация которого связана с определенным событием, не зависящим или мало зависящим от воли и действий лица (болезнь, травма, смерть кормильца, рождение ребёнка и др.). В этом ключе специалисты отрасли подчеркивают факт возникновения практически всех правоотношений по предоставлению благ социального обеспечения при наступлении событий, претворяющих в жизнь социальный риск. А значит, одновременность возникновения «характерна для право- и дееспособности, образующих единое качество социально-обеспечительной правосубъектности» [13, с. 175]. Тем не менее, если рассматривать возраст как параметр правосубъектности лица, то подходы здесь разнятся. Так, Л. А. Гречук предлагает считать «отправной точкой» достижение ребенком 16 лет [2, с. 12], Ф. О. Сулейманова – 18 лет [12, с. 729]. Ряд авторов

⁸ Л. А. Гречук предложено понимать нуждаемость как невозможность удовлетворения алиментарных (то есть необходимых для жизнеобеспечения) потребностей человека, а в ряде случаев и семьи своими собственными средствами. Под последними подразумеваются не только способность к труду, но и материальные возможности, физические, психические и иные усилия лица [2, с. 84].

⁹ Так, согласно ст. 5 Социального кодекса Ярославской области, нетрудоспособность детей понимается как невозможность их полноценного участия в трудовых отношениях в силу возраста.

¹⁰ Принимая во внимание специфику санкций в праве социального обеспечения как мер отраслевой ответственности, деликтоспособность допустимо включить в понятие «дееспособность» [11].

исходят из признания новорожденного или малолетнего ребёнка дееспособным по нормам отрасли (в частности, применительно к пенсионному обеспечению на случай инвалидности ребёнка или утраты кормильца), но с известной оговоркой: его права-притязания в рамках процедурного правоотношения осуществляются законными представителями [13, с. 177].

Если оценивать дееспособность как компонент отраслевой правосубъектности, то здесь можно выразить солидарность с мнением Ф. О. Сулеймановой о её возникновении по общему правилу при достижении возраста совершеннолетия (18 лет). Указание на общее правило отсылает к исключениям из оно, а именно к требованию наличия специальной правосубъектности, с которой связывается право на конкретный вид социального обеспечения, реальная возможность его реализации. И здесь возрастной критерий может быть весьма значим. Так, в сфере занятости населения ребёнок, пройдя соответствующую процедуру регистрации, вправе воспользоваться основными мерами социальной поддержки уже с 14 лет. В числе искомых мер содействие в поиске подходящей работы, включая составление анкеты, организацию временного трудоустройства несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время, бесплатное консультирование, получение информации и услуг по профессиональной ориентации в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройство, оказание психологической помощи и т. д. (пп. в) п. 4. ч. 1 ст. 2 ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в РФ» СОГЛ)¹¹. Полагаю, в данном случае речь идет о частичной дееспособности несовершеннолетних, поскольку только с 16 лет лицо, являющееся незанятым, может быть признано безработным¹². При отсутствии этого статуса нет и права на социальные выплаты, включая пособие по безработице (п. 1 ч. 1 ст. 24 ФЗ № 565). В этом контексте нормы законодательства о занятости населения коррелируют с положениями ст. 63 ТК РФ, ст. 21, 23, 26 и 27 ГК РФ и учитывают разнообразие форм реализации права на труд.

Следует заметить, допустимость разграничения специальной право- и дееспособности в немалой степени зависит от вида правоотношений и формы социально-обеспечительных благ (денежная или натуральная). По тем видам социального обеспечения, что предоставляются ребенку лично, подобное разделение видится невозможным, как невозможно их использование через представителя [8, с. 32; 14, с. 36]. Это указанные выше меры социальной поддержки в сфере занятости населения, а равно медицинская помощь и реабилитация, санаторно-курортное лечение, лекарства, средства медицинского назначения, отдельные виды социального обслуживания. Поэтому для материальных социально-обеспечительных правоотношений, опосредующих такого рода натуральные предоставления ребенку, выделение компонентов специальной правосубъектности юридически незначимо. В изложенном ключе (как некую особенность отраслевой дееспособности) ряд ученых отмечают достаточность наличия правоспособности для признания ребёнка субъектом отдельных социально-обеспечительных правоотношений [8, с. 31; 12, с. 729].

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, дата обращения – 12.09.2024 г.

¹² Безусловно, если нет иных оснований для отказа в признании безработным. Например, не может указанный статус получить плательщик налога на профессиональный доход или обучающийся по очной форме обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, за исключением обучения по направлению органов службы занятости (см. ч. 1 ст. 24 ФЗ № 565 «О занятости населения в РФ»).

Но этого нельзя сказать о процедурных правоотношениях по назначению таких благ, установлению юридически значимых фактов или защите нарушенного права ребёнка на социальное обеспечение. Здесь недостающий элемент специальной правосубъектности – дееспособность – восполняет действующий в интересах ребёнка родитель (иной законный представитель)¹³.

По существу, физическое лицо в материальных правоотношениях выступает «принимающей стороной», субъектом-получателем имущественных благ, реализация же права на социальное обеспечение, его защиту опосредуют правоотношения процедурные, где допустимо представительство. Отсюда субъектом-получателем может являться как ребёнок, так и, например, лицо, достигшее совершеннолетия, но признанное недееспособным в силу психического расстройства (для целей предоставления социальных услуг, медицинской помощи, пенсии по потери кормильца, по инвалидности и т. д.). Что касается положения дееспособного лица в материальных правоотношениях, то как управомоченная сторона он имеет возможность только осуществлять права, одновременно не создавая для себя обязанностей своими действиями [13, с. 176]. Исключением служат обязанности, порождаемые в силу самого факта социального обеспечения, в том числе вытекающие из специфики получаемых благ. Это – обязанность соблюдать условия для предоставления социального обеспечения (его назначения, перерасчета и т. д.), информировать о всех обстоятельствах, влияющих на право получения благ, а равно использовать таковые по целевому назначению (если оно установлено, что может иметь место применительно к денежным выплатам).

Имущественный характер материальных социально-обеспечительных правоотношений предполагает наделение физического лица правомочиями двух видов. Так, ему принадлежит правомочие на «чужие действия», то есть право требования предоставить (выплатить, передать) назначенный вид блага, и правомочие на «собственные действия», коим выступает право на фактическое обладание и использование блага (в том числе с соблюдением его целевого характера)¹⁴. Назначение социально-обеспечительных благ в денежной форме сопряжено с выбором способа доставки, и здесь также по общему правилу имеет место представительство несовершеннолетнего субъекта-получателя.¹⁵ Присутствует оно и в материальных социально-обеспечительных правоотношениях – в ключе непосредственного зачисления денежных средств на счет законного представителя ребёнка в кредитной организации или их вручение ему организацией федеральной почтовой связи. Кроме того, использование денежных средств предполагает последующее участие лица в рамках отношений гражданского оборота.

¹³ Специальных норм о представительстве в праве социального обеспечения нет, поэтому здесь применяются положения Семейного и Гражданского кодексов РФ, которые относят к законным представителям ребёнка родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, приёмных родителей, а также организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

¹⁴ Разграничение таких правомочий проводил С. С. Алексеев и, как представляется, этот подход обоснован [15, с. 312].

¹⁵ Вопрос о выборе способа доставки сумм пенсии, пособия может решаться в рамках процедурных отношений по назначению ребёнку данного вида социального обеспечения. А может образовывать самостоятельное процедурное правоотношение, когда речь идет об изменении законным представителем ребёнка или ребёнком, достигшим 14 лет, ранее установленного способа доставки.

Ввиду изложенных соображений деление специальной правосубъектности лица на компоненты не исключено для материальных правоотношений по социальному обеспечению, но наиболее продуктивно его проводить именно в разрезе правоотношений процедурных, особенно учитывая жесткость нормативной регламентации порядка обращения за назначением благ (в том числе касаясь участия родителей ребёнка, иных законных представителей).

Социальное обеспечение осуществляется по категориальному принципу, поэтому формирование специальной правосубъектности (право- и дееспособности) обусловлено статусом лица (например, «ребёнок-инвалид», «нетрудоспособный член семьи умершего кормильца», «застрахованное лицо по обязательному социальному страхованию») и юридическим условием (условиями). В качестве последнего могут фигурировать причина смерти кормильца, наличие или отсутствие страхового стажа и прочие обстоятельства, определяющие право на конкретный вид социального обеспечения, его размер. Специальная правоспособность, как указывает Л. А. Гречук, «не является частью отраслевой правоспособности и возникает с момента появления юридического условия или признания государством правовой роли» [2, с. 107]. Ученый не исключает в отдельных случаях ее одновременного возникновения со специальной дееспособностью, причем независимо от возраста.

В плане анализа специальной правосубъектности ребёнка показателен пример пенсии по потери кормильца, основного вида пенсионного обеспечения детей. Признание детей умершего кормильца нетрудоспособными членами его семьи есть не что иное, как закрепление особого правового статуса. Этот статус и нормативное регулирование соответствующей пенсии производны от статуса кормильца, в том числе от выбора им формы реализации права на труд [16, с. 112–126]. Например, если кормилец являлся застрахованным лицом по обязательному пенсионному страхованию, то его смерть¹⁶ есть страховой случай, а назначаемая страховая пенсия по потери кормильца – вид страхового обеспечения в порядке Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – ФЗ № 400 «О страховых пенсиях»)¹⁷. Дети, потерявшие одного или обоих родителей из числа застрахованных лиц, являются наиболее обширной категорией получателей страховой пенсии данного вида¹⁸.

Согласно общему правилу право ребёнка умершего кормильца на искомую пенсию возникает со дня смерти последнего и определяется возрастом несовершеннолетия. В этом плане пенсионное обеспечение опирается на ряд презумпций (нетрудоспособности, нахождения на иждивении умершего кормильца, утраты семейного содержания ввиду последнего обстоятельства), которые служат пользе ребёнка. Исключением является ребёнок умершего, объявленный в соответствии с ГК РФ полностью дееспособным, в отношении которого действие перечисленных презумпций изъято. Отсюда право на пенсию он может получить, лишь самостоятельно доказав,

¹⁶ Пенсия назначается также в случае признания кормильца умершим, а равно безвестно отсутствующим.

¹⁷ При полном отсутствии страхового стажа у кормильца его ребенку (детям) будет назначена социальная пенсия по потере кормильца, согласно нормам Федерального закона от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ».

¹⁸ При этом право на страховое пенсионное обеспечение имеют также несовершеннолетние братья, сестры и внуки умершего кормильца. Они, согласно п. 1 ч. 2 ст. 19 ФЗ № 400 «О страховых пенсиях», признаются нетрудоспособными членами семьи последнего при условии, что не имеют трудоспособных родителей.

что помощь, предоставляемая умершим, являлась единственным или основным источником средств к существованию (ч. 4 ст. 10 ФЗ № 400 «О страховых пенсиях»). Особой мерой государственной поддержки следует назвать распространение пенсионного обеспечения по потери кормильца на упоминавшихся ранее совершеннолетних детей умершего лица (но не старше 23 лет) при условии их очного обучения¹⁹. Цель в данном случае – создание благоприятных условий для реализации конституционного права на образование.

Применительно к претворению в жизнь правомочия ребёнка на страховую пенсию по потери кормильца заметим: общий порядок ее назначения в рамках процедурных правоотношений предусматривает участие законного представителя. Согласно п. 91 Административного регламента (утв. Постановлением Правления ПФ РФ от 23.01.2019 г. № 16п)²⁰ последний подает заявление об установлении пенсии от имени несовершеннолетнего или недееспособного лица. Право самостоятельного обращения ребёнка с указанной целью возникает при достижении им 14 лет. Очевидно, выбор возрастного «порога» сделан с опорой на п. 2 ст. 26 ГК РФ, закрепляющий право несовершеннолетних от 14 до 18 лет по своему усмотрению, без согласия родителей (усыновителей, попечителя) распоряжаться заработком, стипендией и иными доходами, к коим относима и пенсия. Это позволяет утверждать о возникновении у ребёнка с 14 лет частичной социально-обеспечительной дееспособности.

В свете развития проактивных технологий позиция о разграничении элементов специальной правосубъектности лица в разрезе процедурных правоотношений может быть подвергнута корректировке. Так, с 1 января 2024 г. введен беззаявительный порядок назначения пенсии по случаю потери кормильца (страховой или социальной) его несовершеннолетним детям (кроме объявленных полностью дееспособными), а также социальной пенсии по инвалидности²¹. Соответствующее решение принимается Фондом пенсионного и социального страхования РФ (далее – СФР) без истребования от ребёнка либо его законного представителя столь необходимого ранее заявления исключительно на основании имеющихся данных, а равно полученных из единого федерального регистра сведений о населении, информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере». Поскольку «беззаявительность» предполагает согласие лица на назначение и получение пенсии (ч. 4.1 ст. 21 ФЗ № 400 «О страховых пенсиях»), речь идет об особой модели процедурных правоотношений (проактивного типа), когда реализация прав требования *de jure* замещена презумпцией волеизъявления

¹⁹ Здесь также действует презумпция нахождения на иждивении умершего кормильца, но с оговоркой – при условии, что на день смерти кормильца они не осуществляли работу и (или) иную деятельность, в период которой они подлежат обязательному пенсионному страхованию (ч. 4.1 ст. 10 ФЗ № 400).

²⁰ Постановление Правления Пенсионного Фонда РФ от 23.01.2019 г. № 16п «Об утверждении Административного регламента предоставления Пенсионным фондом РФ государственных услуг по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению». URL: <http://www.pravo.gov.ru>. дата обращения – 10.09.2024 г.

²¹ Ст. 25.2 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», ст. 13, п. 4–6 ст. 22 Федерального закона от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ».

ния [17, с. 176-185]. Презюмируется согласие непосредственно получателя пенсии, то есть в данном случае ребёнка²².

Интересно, что ч. 9, ч. 10. ст. 25.2 ФЗ № 400 «О страховых пенсиях» дает право ребенку или его законному представителю отказаться от назначения одноименной пенсии по потери кормильца. Отказ носит заявительный характер и может быть реализован также посредством вступления в процедурные правоотношения. Это не исключает последующего обращения за установление такой пенсии с соблюдением общего порядка (то есть по личному заявлению ребёнка или его законного представителя). Примечательно здесь отсутствие нижнего возрастного порога для самостоятельного решения ребенком вопроса об отказе. Это не свидетельствует о наличии полной социально-обеспечительной дееспособности, а только указывает, что такой отказ не может идти безотносительно к соблюдению иных норм ФЗ № 400 «О страховых пенсиях», принятых в соответствии с ним подзаконных актов, а равно норм ГК РФ о дееспособности несовершеннолетних. То же самое можно сказать о фактическом получении и удовлетворении потребностей ребёнка за счет денежных предоставлений на его имя в порядке социального обеспечения. Соответственно, правовое регулирование доставки пенсий, пособий, иных благ в денежной форме опирается на положения ст. 26, 27 и 28 ГК РФ. Так, ч. 18 ст. 21 ФЗ № 400 «О страховых пенсиях» предусматривает зачисление страховой пенсии, получателем которой является ребёнок, на счет одного из родителей (усыновителей, опекуна, попечителя) в кредитной организации²³. Право выбора способа доставки указанной пенсии и ее самостоятельное получение ребенком, как и ранее, обусловлено достижением возраста 14 лет. Заметим, практическая реализация указанного правомочия, если выбор сделан в пользу счета в кредитной организации, требует предварительного заключения ребенком договора банковского счета. И здесь актуально обращение к нормам ГК РФ – п. 2 ст. 26 ГК РФ не приводит названный договор в числе сделок, которые несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет вправе совершать самостоятельно. Соответственно, для открытия счета требуется письменное согласие законных представителей ребёнка – получателя страховой пенсии. В этом проявляется один из аспектов тесной **взаимосвязи**, производности социально-обеспечительной правосубъектности **от право- и дееспособности** физического лица в иных отраслях права. Но наиболее выразительно и скульптурно упомянутая взаимосвязь проявляется в системе обязательного социального страхования.

Хотя социально-обеспечительное законодательство о пенсиях, пособиях в контексте их назначения и выплаты исходит из положения о нетрудоспособности несовершеннолетних (с оговоренными изъятиями), это не исключает для последних реализацию права на труд и свободу выбора формы его приложения, а соответственно,

²² Заметим, при отсутствии условий, необходимых для назначения страховой или социальной пенсии по потере кормильца детям, не достигшим возраста 18 лет, СФР в течение 5 рабочих дней со дня поступления в его распоряжение сведений о смерти кормильца, его детях уведомляет законного представителя ребёнка. В этом случае как сам ребёнок, так и его законный представитель вправе предоставить требуемые документы и заявление для назначения пенсии.

²³ Если доставка страховой пенсии согласно избранному способу осуществляется организацией федеральной почтовой связи, то сумма денежных средств вручается родителю (усыновителю, опекуну, попечителю) ребёнка. Выбор способа доставки страховой пенсии также принадлежит по общему правилу законному представителю несовершеннолетнего ее получателя.

и право на защиту от социальных рисков страхового характера. Так, поскольку ст. 63 ТК РФ допускает заключение трудового договора с работником по достижении им возраста 16 лет (а при соблюдении ряда условий и ранее этого возраста), постольку обусловленный этим обстоятельством факт-состояние «быть застрахованным» и статус «застрахованное лицо» дают право на обеспечение по соответствующим видам обязательного социального страхования при наступлении страхового случая²⁴. В данной ситуации специальная правосубъектность несовершеннолетнего застрахованного лица производна от его правосубъектности в трудовом праве как работника и не требует дополнительного разъяснения [18, с. 162–174]. Как обоснованно замечает Ф. О. Сулейманова, «для застрахованных лиц дееспособность возникает с момента начала той трудовой деятельности, в период которой они подлежат обязательному социальному страхованию» [6, с. 215]. Единственный вид социального страхования, минимизирующий подобную зависимость, это обязательное медицинское страхование (далее – ОМС), где застрахованными, в силу прямого указания закона, признаются лица из числа «неработающих граждан», в том числе дети со дня рождения до достижения 18 лет. Их представителями в процедурных правоотношениях по ОМС, включая опосредующих выбор или замену страховой медицинской организации, выступают родители, иные законные представители²⁵. Вступление несовершеннолетнего в трудовые отношения, равно как реализация права на труд в иной форме (занятие предпринимательской деятельностью, самозанятость и т. д.), лишь изменяет основание признания его застрахованным лицом в системе ОМС, определяя принадлежность к «работающим гражданам».

Ссылки

1. Мацулевич Ю. С. Граждане как субъекты советского права социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 169 с.
2. Гречук Л. А. Субъекты-получатели в праве социального обеспечения России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002. 169 с.
3. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения в условиях рыночной экономики: теория и практика правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 349 с.
4. Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовое положение граждан как субъектов управления социальными рисками // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 576–603.
5. Курченко О. С. Государство как субъект права социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 205 с.
6. Проблемы Общей части права социального обеспечения: монография / М. И. Акатнова, Н. В. Антипова, Е. В. Астраханцева [и др.]; под ред. Э. Г. Тучковой. М.: Проспект, 2017. 416 с.

²⁴ Обязательное социальное страхование упоминается в единстве четырех его видов: по временной нетрудоспособности и в связи с материнством, от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, обязательное пенсионное страхование, обязательное медицинское страхование.

²⁵ пп. а) п. 5 ч. 1 ст. 10, ч. 3. ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2010 г. № 49, ст. 6422.

7. Азарова Е. Г. Дети как приоритет государственного регулирования социального обеспечения // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 106–119. DOI 10.12737/jrl.2021.064.
8. Семянникова Д. А. Правовое регулирование социального обеспечения детей-инвалидов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 213 с.
9. Васильева Ю. В. Пенсионное право Российской Федерации: учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. 362 с.
10. Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. 2-е изд., испр. и перераб. М.: БЕК, 2002. 560 с.
11. Рощепко Н. В. Дискуссионные вопросы применения санкций в праве социального обеспечения // Второй Ярославский юридический форум, 30 сентября – 1 октября 2022 г.: сборник научных статей по вопросам трудового права / отв. ред. А. М. Лушников. Ярославль, 2022. С. 241–250.
12. Сулейманова Ф. О. Субъект права социального обеспечения // Пути реализации в России программы достойного труда и достойного социального обеспечения: материалы IX Международной научно-практической конференции / под общей ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2013. С. 729–721.
13. Аракчеев В. С., Агашев Д. В., Гречук Л. А. Право социального обеспечения России. Часть 1: учебное пособие. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. 228 с.
14. Мачульская Е. Е., Горбачева Ж. А. Право социального обеспечения. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2001. 292 с.
15. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердловский юрид. инс-т, 1972. Т. 1. 396 с.
16. Азарова Е. Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 112–127. DOI 10.12737/article_597714e88ee358.48297247.
17. Рощепко Н. В. Социально-обеспечительные правоотношения в условиях цифровизации: к вопросу об особенностях юридико-фактического состава // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 2. С. 176–185. DOI 10.18255/2306-5648-2023-2-176-185.
18. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право: учебник. М.: Проспект, 2021. 768 с. DOI 10.31085/9785392335213-2021-768.